

УДК 821.161.1-343.4«19»
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-445

ГСНТИ 70.82.70; 16.21.33

Код ВАК 10.01.01

В. А. Денисенко
Екатеринбург, Россия

V. A. Denisenko
Ekaterinburg, Russia

**АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН И ФАЗИЛЬ
ИСКАНДЕР: ОБ ОДНОМ НЕУЧТЕННОМ
ИСТОЧНИКЕ ФИЛОСОФСКОЙ СКАЗКИ
«КРОЛИКИ И УДАВЫ»**

**ALEKSANDR SOLZHENITSYN AND FAZIL
ISKANDER: ABOUT ONE LITERARY SOURCE OF
“RABBITS AND BOA CONSTRICTORS” THAT HAS
NOT BEEN TAKEN IN ACCOUNT YET**

Аннотация. Рассматривается философская сказка Фазила Искандера «Кролики и удавы», анализируются иносказательные образы сказки и их связь с образами из книги Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Написанный несколькими годами ранее «Кроликов и удавов», «Архипелаг» стал одним из источников сказки. Обращение к этому источнику позволяет более однозначно интерпретировать текст Ф. Искандера, написанный эзоповым языком, а также проследить происхождение метафоры «кролики и удавы», закрепившейся в политическом словаре российской интеллигенции.

Abstract. The article is devoted to the philosophical fairy-tale “Rabbits and boa constrictors” by Fazil Iskander. The paper observes allegorical images of the fairy-tale and their connection with the images of “The Gulag Archipelago” by Aleksandr Solzhenitzyn. Written several years earlier than “Rabbits and boa constrictors”, “Archipelago” became the one of the fairy-tale’s sources. Referring to this source, we can make the interpretation of Iskander’s text, which is written in Aesopian language, more clearly, and also trace the origin of the metaphor “rabbits and boa constrictors”, which is entrenched in political vocabulary of Russian intelligentsia.

Ключевые слова: Искандер; Солженицын; «Кролики и удавы»; «Архипелаг ГУЛАГ»; эзопов язык; иносказание.

Key words: Iskander; Solzhenitzyn; “Rabbits and boa constrictors”; “The Gulag Archipelago”; allegory; the Aesopian language.

Сведения об авторе: Денисенко Валерия Алексеевна, аспирант, кафедра русской литературы XX–XXI вв., филологический факультет; ассистент, кафедра русского языка для иностранных учащихся, филологический факультет, Институт гуманитарных наук и искусств.

About the author: Denisenko Valeria Alekseyevna, Post-graduate Student of Department of Russian literature of the XX–XXI Centuries, Philological Faculty; Assistant Lecturer of Department of The Russian language for Foreign Students, Philological Faculty, Institute of Humanities and Arts.

Место работы: Уральский Федеральный университет им. Б. Н. Ельцина.

Place of employment: Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Eltsyn.

Контактная информация: 620083, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.
e-mail: rius2012@bk.ru.

Философская сказка «Кролики и удавы» изначально была опубликована за рубежом — в «тамиздатовском» журнале «Континент» в 1980 году (№№22-23). В СССР ее напечатали только в 1987 году в «Юности» (№9). Произведение получило определенный читательский резонанс[1], а также стало предметом критических статей [Троль 1981/2; Чупринин 1987; Казинцев 1988; Соловьев 1990; Нефагина 1998; Липовецкий 1988; Липовецкий 2000; Угроватова 2007; Хлебников 2011;] и научных исследований [Иванова 1990; Коззль 2006; Шевель 2012]. При этом значительная часть наблюдений, сделанных критиками и литературоведами, касалась иносказательных образов сказки, которые традиционно интерпретировались с опорой на историко-политический контекст. Данная статья посвящена ранее не учтенному исследователями — литературному — источнику текста Ф. Искандера — книге А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Обращение к этому источнику способствует более точной интерпретации сказки, написанной эзоповым языком, а также позволяет проследить этимологию выражения «кролики и удавы» — метафоры, укоренившейся в российской журналистике.

В литературоведении до сих пор нет точного мнения о том, когда были написаны «Кролики и удавы». Так, с одной стороны, исследователь Н. Б. Иванова полагает, что Искандер работал над сказкой в 1972-1973 гг. [Иванова

1990: 19], о 1973 году пишут Т. Ю. Угроватова [Угроватова 2007] и Г. Л. Нефагина [Нефагина 1998]. М. Н. Липовецкий в статье «Знаменитое чегемское лукавство: странная идиллия Фазила Искандера» предполагает, что свою сказку прозаик «по-видимому, писал параллельно со многими новеллами из чегемского цикла» [Липовецкий 2000], которые, в конечном итоге, составив роман «Сандро из Чегема», были опубликованы в журнале «Новый мир» в 1973 году (№№8-11). С другой стороны, литератор Дмитрий Быков в книге «Календарь-2» утверждает, что «Кролики и удавы» появились уже после «разгрома» альманаха «Метрополь», в составлении которого Искандер принял участие в 1978 году: «После разгрома альманаха у него [Искандера] рассыпали все книги, остановили все публикации и перестали приглашать на выступления. <...> Он сдал квартиру и уехал жить на <...> писательскую дачу во Внукове. <...> «И тут, — рассказывал он, — наступила полная беспечность. Я понял, что больше у меня ничего не отберут и я совершенно свободен. Разве что посадят, но сажать они уже не хотели. Было чувство, что достиг дна и можно оттолкнуться. Пожалуй, я никогда не был так весел, как в эти полгода» (А что он делал в эти полгода? Писал «Кроликов и удавов», восхитительно беспечную вещь» [Быков 2012]. Комментируя мнение исследователей о том, что книга была написана в начале семидесятых, Д. Быков отмечает: «Искандер со-

вершено отчетливо говорил мне в интервью, что писать «Кроликов и удавов» он начал на даче, сдавая московскую квартиру, чтобы было на что жить, и ослепнув на один глаз. Вот там <...> он начал писать абсолютно беспечную вещь, не рассчитанную ни на какую публикацию, исключительно для собственного удовольствия, в состоянии абсурдной эйфории. Это было после разгрома «Метрополя», когда прекратились все публикации.<...> Может, первый набросок этой вещи был сделан раньше. Но в 1973 году, насколько знаю, он писал «Сандро», ни на что особенно не отвлекаясь»[2]. Принимая во внимание тот факт, что одним из источников сказки была книга А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», первая часть которой появилась в «тамиздате» в 1973, а последняя — в 1976 году[3], версия Д. Быкова кажется более убедительной.

Стоит отметить, что прежде этот источник сказки не оговаривался исследователями творчества Ф. Искандера. Часть работ была посвящена жанровому своеобразие «Кроликов и удавов» — в них произведение рассматривалось в контексте антиутопической, басенной и сказочной традиции. Так, литературовед М. Н. Липовецкий, еще в рецензии 1988 «Условия игры» заметивший, что «меньше всего «Кролики и удавы», вопреки своему наименованию, похожи на сказку» [Липовецкий 1988: 46], в статье ««Знаменитое чегемское лукавство: странная идиллия Фазиля Искандера»» приходит к следующему выводу: «Хотя уподобление жизни животных социальной и даже политической жизни людей напоминает о традиции животной сказки, басни, а в XX веке — известной сатиры Дж.Оруэлла «Ферма животных», структура «Кроликов и удавов» парадоксальным образом возрождает структурную схему волшебной сказки. <...> [которая] под пером Искандера трансформируется в антисказку» [Липовецкий 2000]. Другой исследователь — Е. А. Шевель пишет, что «термин «философская сказка», применяемый к произведению «Кролики и удавы», в целом фиксирует его жанровый синкретизм: для Ф. Искандера при создании «Кроликов и удавов» продуктивными становятся конститутивные признаки нескольких востребованных в литературном процессе XX в. жанров: утопии, антиутопии, причти и философской сказки (опирающейся на аллегорические традиции сказки и о животных)» [Шевель 2012: 8]. Поскольку и в работах М. Н. Липовецкого, и в исследовании Е. А. Шевель внимание направлено на жанровую специфику текста Искандера, прецедентный слой, обозначенный литературоведами, представлен фольклорными сказками, сказками о животных, литературными сказками, антиутопиями, притчами и баснями.

Такие исследователи, как Н. Б. Иванова, О. С. Козэль, Г. Л. Нефагина и Т. Ю. Угрова-това обращаются к иносказательным образам

«Кроликов и удавов», интерпретируя их с опорой на историко-политический контекст. К примеру, Н. Б. Иванова пишет: «В одном мифическом времени и пространстве Искандер умеет сразу несколько типов авторитарной власти: сталинского (удава) и брежневского (Король и Королева кроликов, «Допущенные к столу» — идеологи кроличьего руководства)» [Иванова 1990: 280]. Схожее объяснение находим у Г. Л. Нефагиной: «Время Великого Питона — тоталитарное государство сталинского типа, время Пустынника — более мягкий авторитаризм брежневского типа. Несмотря на явные параллели, социальное пространство сказки значительно шире — это всякое тоталитарное общественное устройство, а не только конкретное советское общество, хотя многие черты взяты именно из его истории» [Нефагина 1998: 82].

Заметим, что традиция рассматривать иносказательные образы сказки в рамках историко-политического контекста тех лет, когда она была написана, зародилась с момента первой публикации «Кроликов и удавов» в «Континенте». Об этом свидетельствует статья критика журнала «Часть речи» Юлии Тролль, написанная через некоторое время после выхода текста за рубежом. Проводя аналогии между образами сказки и реалиями советской действительности, Ю. Тролль заметила: «Книга «Кролики и удавы» <...> совершенно лишена камуфляжа <...>. Сказка [Искандера] — печальный документ советской эпохи» [Тролль 1981/2: 313]. В частности, Ю. Тролль размышляет об образе Придворного Поэта, который «в основе своем имеет черты и даже биографические факты пролетарского поэта Максима Горького» [Тролль 1981/2: 315]. О том, что «Поэт — образ, явно содержащий пародию на Максима Горького» [Козэль 2006: 69], пишет и исследователь О. С. Козэль, и литературовед Н. Б. Иванова (правда, Иванова отмечает, что «в образе Первого Поэта Искандер, конечно, использовал лишь часть биографии, поведения и государственного мифа о Горьком» [Иванова 1990: 282], связывая образ Поэта в том числе с фигурами В. Маяковского, С. Михалкова и К. Симонова [Иванова 1990: 283]). Действительно, вряд ли кто из читателей не увидел в изображении Придворного Поэта черты писателя М. Горького, так же, как и в образе Великого Питона — Сталина. Поэтому неудивительно, что, когда в 1987 году сказку решено было напечатать в «Юности», «художник изобразил властителя удавов — Великого Питона <...> во френче. Для пущей ясности Питон изображен с руками, одна из которых заложена за борт френча — жест хорошо знакомый читателям старшего поколения, да и не только им, а другая — жест столь же характерный — убрана за спину» [Казинцев 1988: 188]. О том, что и тогда сказка вызывала у читателей довольно определенные политические и истори-

ческие реминисценции, свидетельствует замечание критика В. Соловьева, назвавшего сказку Ф. Искандера «прямолинейной» [Соловьев 1990: 113]. Однако именно в то время — в конце 1980-х — начале 1990-х гг. — сказка попала в эпицентр т.н. «журнальной войны» (ожесточенной полемики между «западно-либеральными» и «патриотически» настроенными изданиями), и это в некоторой степени отразилось на ее интерпретации. Так, после публикации в журнале «Юность», текст получил довольно резкий отзыв в «Нашем современнике». При этом, стараясь представить произведение Искандера в неблагоприятном свете — как насмешку над «трагедией народа» [Казинцев 1988: 188], критик «Современника» А. Казинцев в некоторой степени исказил авторский замысел. Об этом свидетельствует замечание самого Искандера: «Автор рецензии в слегка завуалированной форме намекает читателю, что под кроликами я имею в виду русских. Меня поразило такое ничем не доказанное утверждение. <...> Если кролики — русские, то кто такие удавы, туземцы, обезьяны?» [Иванова 1990: 274]. Стоит отметить, что неточности и разночтения в интерпретации сказки встречаются и в современных исследованиях. Например, литературовед О. С. Козэль пишет: «В художественной системе Искандера удавы — это империалистические державы, страх перед которыми активно поддерживало советское руководство все годы советской власти. <...> В советское время человек, эмигрировавший за границу, для своей страны становился “проглоченным”, мертвым... “туземцы” — это дружественные социалистические страны, а также некоторые советские республики, у которых активно изымалась “пища”» [Козэль 2006: 68-69]. Подобные погрешности можно, в частности, объяснить иносказательной природой образов сказки, по своей сути, предполагающей неоднозначную интерпретацию. Тем не менее, более или менее однозначно истолковать текст «Кроликов и удавов» позволяет обращение к книге А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», которая, как уже было отмечено ранее, является одним из прежде не учтенных исследователями творчества Ф. Искандера литературным источником сказки.

Напомним, что в 1970-е гг. книга Солженицына не могла быть опубликована в СССР, но была напечатана на Западе, в парижском издательстве «УМКА-Press». Первая часть вышла в 1973, вторая — в 1974 и третья — в 1975 году. Заметим, что в то время произведения советских писателей, напечатанные за рубежом, пересылались в Советский Союз и, пусть со значительными препятствиями, нелегально, но распространялись в стране по неофициальным каналам. Так что Искандер мог познакомиться с произведением Солженицына сразу, как только оно появилось в «тамиздате» [4]. О том, что знакомство автора «Кроликов

и удавов» с «Архипелагом ГУЛАГом» состоялось именно в 1970-е годы, косвенно свидетельствует замечание самого Искандера, сделанное в 1991 году: «Очень сильное впечатление на меня производило чтение всех книг Солженицына, которые удавалось тогда доставать и читать. С немалыми трудностями. <...> Ну и конечно, «Архипелаг ГУЛАГ»! Я даже не стал его перечитывать сегодня — берегу в себе восприятие тех лет, то огромное, огульное впечатление <...>. Я думаю, и явление «ГУЛАГа» в жизни общества 70-х годов, и атмосфера вокруг книги и ее автора, — все это создавало силу электрического поля. Значение этой силы сегодня переоценить невозможно. <...> Его духовное влияние ощущает каждый из нас, причастных к литературному Делу» [Искандер 1991: 64-66]. Слова Искандера о влиянии на него книги Солженицына не были дежурным замечанием. Действительно, чтение «Архипелага» послужило для писателя мощным творческим импульсом. Это подтверждает тот факт, что все основные образы искандеровской сказки прямо отсылают читателей к этому тексту.

К примеру, кроликами Солженицын называет людей, которые, попав под следствие, покорно позволяли «органам» приписывать себе необоснованные, зачастую абсурдные обвинения. Этим же людям, только уже «этапированных» на острова Архипелага ГУЛАГа, Солженицын именует туземцами (приведем лишь пару примеров: «И только незапрещенными побочными деталями своей биографии оставлял в памяти случайных встречных след о своей погубленной жизни. Вернее, спасти ее он еще надеялся — по-человечески, как миллионы кроликов этой книги» [Солженицын, Т. 1 2006: 495]; «Какой же нибудь безвестный смертный, замерший от повальных арестов и уже неделю угнетенный исподлобными взглядами начальства, вдруг вызван в местком, где ему, сияя, преподносят путевку в сочинский санаторий. Кролик прочувствовался — значит, его страхи были напрасны» [Солженицын, Т. 1 2006: 26]; «Зиновьев, смешно сказать, не просидел и трех месяцев! Не имел ни одного приговора! По сравнению с рядовыми туземцами нашего Архипелага они — младенцы, они не видели тюрьмы» [Солженицын, Т. 1 2006: 377]). Напомним, что в сказке Искандера маленькая мартышка спрашивает у своей мамы: «Уж не от кроликов ли произошли туземцы?» [Искандер 2011: 95]. Не исключено, что для читателей сказки, знакомых также и с текстом Солженицына, этот вопрос мог служить своеобразным паролем к тому, чтобы интерпретировать аллегорические образы «Кроликов и удавов» с ориентацией на «Архипелаг ГУЛАГ». Так, «заплот» кроликов удавами может быть истолкован как метафора следствия во «внутренних органах». Хотя прямого сравнения сотрудников НКВД с удавами в «Архипелаге» нет, но, думается, что на замысел

этого образа Искандера подтолкнуло описание Солженицыным процедуры дознания: «В разные годы и десятилетия следствие по 58-й статье <...> состояло в неизбежной грязной процедуре: недавнего вольного, иногда гордого, всегда неподготовленного человека — согнуть, проташить через узкую трубу, где б дышать ему было нельзя, так, чтобы взмолился он о другом конце — а другой-то конец вышвыривал его уже готовым туземцем Архипелага и уже на обетованную землю» [Солженицын, Т. 1 2006: 99].

То, что «заглот» кроликов удавами у Искандера можно интерпретировать как следственный процесс в НКВД, подтверждает еще одна деталь. Характеризуя действия работников соответствующих «органов» в отношении их жертв, Солженицын неоднократно использует такие глаголы, как «обработать», «проглотить» и «задушить» (приведем несколько примеров: «Как их обработать? А так: вы жить хотите? <...> Вы понимаете, что расстрелять вас, не выходя из двора ГПУ, уже ничего не стоит?» [Солженицын, Т. 1 2006: 365]; «А мы уже проследили, как «политических» отъединили, удушили и извели» [Солженицын, Т. 2 2006: 234]; «Я думаю, здесь очень уместно бы стал очерк жизни тюремно-лагерных преследований и гибели отца Павла Флоренского — может быть, одного из самых замечательных людей, проглоченных Архипелагом навсегда» [Солженицын, Т. 2 2006: 544]). Напомним, что похожие «методы» были и у удавов из сказки Искандера («В тот день я подстерег кролика у Ослиного Водооя и вполне нормально проглотил его» [Искандер 2011: 32]; «Удав-Пустынник одним прыжком обвился вокруг кролика и стал его неумело и грубо душить» [Искандер 2011: 139]; «Через некоторое время одно за другим стали поступать сообщения о том, что тот или иной удав поймал этого преступного кролика и обработал его» [Искандер 2011: 38]).

На это же указывает и другая аналогия с текстом Солженицына. В одном из эпизодов сказки рассказывается о «пикантном заглоте», сделанном провинциальным удавом: «он застал двух кроликов во время любовного экстаза <...>, не растерялся, а загипнотизировал обоих сразу и тут же обработал [Искандер 2011: 132]. В «Архипелаге», описывая «туземный быт», Солженицын отмечает, что зеков не стеснялись отлавливать прямо во время ночных свиданий: «Ночами, когда гражданин надзиратель мог бы храпануть в дежурке, он должен был ходить с фонарем и ловить этих головоногих баб в койках мужского барака и мужиков в бараках женских» [Солженицын, Т. 2 2006: 190].

Обращает на себе внимание и рассказ Великого Питона о казни удава самопоеданием: «С одной стороны, он понимает, что это его собственный хвост и ему жалко его глотать, с другой стороны, как удав, он не может не глотать то, что попадает ему в пасть. С одной

стороны, он, самопожираясь, уничтожается, с другой стороны, он, питаясь самим собой, продлевает свои муки. В конце концов, от него остается почти одна голова» [Искандер 2011: 39]. Казнь удава самопоеданием, скорей всего, является метафорой самоуничтожения советских элит, описанного Солженицыным следующим образом: «И подходит <...> очередь садиться в тюрьму членам правящей партии! <...> Всем свой черед. Членик за члеником прожевав с хвоста, доберется пасть и до собственной головы» [Солженицын, Т. 1 2006: 62].

Хотя у Солженицына, как мы уже отмечали, нет прямого сравнения служащих НКВД с удавами, но в описании сотрудников внутренних органов время от времени проступает нечто змеиное. Так, в одном из эпизодов, описывая вербовку сексота, Солженицын характеризует служащего, вербующего «стукача», следующим образом: «неизвестный горбоносый капитан с гипнотизирующим взглядом кобры» [Солженицын, Т. 2 2006: 298]. И далее по тексту так и называет его — «капитан-кобра» («Спадают с У. все чары капитана-кобры, весь гипноз, вся скованность, вся боязнь даже за семью» [Солженицын, Т. 2 2006: 301]).

О том, что в творческом сознании Искандера представление о партии и НКВД тесно сплелось с образом удава, свидетельствует один отрывок из повести сатирика «О, Марат!» (опубликованной в альманахе «Метрополь»). В ней автор сравнивает с удавом Л. П. Берию. Главный герой повести Марат однажды начинает встречаться с любовницей Берии. Но во время их первого свидания «высокий покровитель» неожиданно приезжает. Спрятавшийся Марат узнает Берию по профилю. В конце концов, все складывается удачно — Берия уезжает. Но Марат, под впечатлением от увиденного, надолго теряет романтический настрой: «Этот случай, по словам Марата, еще долго мешал ему в любви. В самые решительные часы чувственного восторга перед его глазами всплывал профиль человека в пенсне, и Марат падал в вялую меланхолию. <...> Думаю, сам того не подозревая, Марат потянулся к укротительнице [удава], чтобы зримым видом живого удава вытеснить из сознания профиль удава метафизического» [Метрополь 1979: 395].

В «Архипелаге» Солженицын пытается разобраться в психологии «кроликов», позволяющих «заглотить» себя без сопротивления. Среди возможных причин Солженицын не исключает гипноз (напомним, что в искандеровской сказке удавы, охотясь на кроликов, прибегают именно к этому приему): «Писали о тибетском зелье, лишаящем воли, о применении гипноза. Всего этого при объяснении не стоит отвергать: если средства такие были в руках НКВД, то непонятно, какие моральные нормы могли бы помешать прибегнуть к ним? <...> А известно, что в 20-е годы крупные гипнотизеры покидали гастрольную деятельность и

переходили служить в ГПУ. Достоверно известно, что в 20-е годы при НКВД существовала школа гипнотизеров» [Солженицын, Т. 1 2006: 276]. Впрочем, версия о реальном гипнозе, по мнению писателя, несколько сомнительна, и он (как и кролик Задумавшийся из сказки Искандера) приходит к выводу о том, что «без объяснения психологического тут не обойтись» [Солженицын, Т. 1 2006: 276]. Размышляя, почему большинство подсудимых не сопротивлялось даже тогда, когда их приговаривали к смерти, Солженицын пишет: «А убить себя человек дает почти всегда покорно. Отчего так гипнотизирует смертный приговор? <...> Надежда! Что больше ты — крепишь или расслабляешь? Если бы в каждой камере смертники дружно душили приходящих палачей, не верней ли прекратились бы казни? Уж на ребре могилы почему бы не сопротивляться? Но разве и при аресте не так же было все обречено? Однако, все арестованные, на коленях, как на отрезанных ногах, ползли поприщем надежды» [Солженицын, Т. 1 2006: 410].

В сказке Искандера Задумавшийся делает открытие о том, что гипноз удавов — это всего лишь страх кроликов. Однако кролики не готовы принять это, потому что тогда им придется отказаться от мечты о Цветной Капусте. Вслед за Солженицыным, Искандер продолжает развивать мысль о гипнотической силе надежды, позволяющей управлять «кроликами».

Связь «Кроликов и удавов» с «Архипелагом ГУЛАГом» помогает лучше разобраться в иносказательном сюжете сказки, а также позволяет понять, что именно двигало Искандером, когда он создавал тот или иной образ. Так, зная текст Солженицына, можно понять не только то, что за образом Придворного Поэта скрывается Максим Горький, но и то, почему Горький у Искандера изображен в неожиданно пародийном ключе. Во многом это объясняется тем впечатлением, которое могло появиться у Искандера после прочтения «Архипелага». Описывая поездку Горького на Соловки, Солженицын отмечает, что литератор, которого зеки «ожидали почти как всеобщую амнистию» [Солженицын, Т. 2 2006: с.49], приехав узнать, как на самом деле содержат в лагере заключенных, закрыл глаза на правду, «и напечаталось, и перепечаталось в большой вольной прессе, нашей и западной, от имени Сокола-Буревестника, что зря Соловками пугают, что живут здесь заключенные замечательно и исправляются замечательно» [Солженицын, Т. 2 2006: с.51]. Разоблачая Горького, Солженицын разоблачает и миф о нем, поэтому в сказке Придворный Поэт, наделенный чертами знаменитого писателя, вызывает только смех и жалость.

Таким образом, инспирированная «Архипелагом ГУЛАГом» А. И. Солженицына, философская сказка «Кролики и удавы» содержит явные отсылки к этому тексту, что позволяет более точно проинтерпретировать ее образы,

созданные при помощи эзопова языка. Поскольку сказка изначально не была предназначена для публикации в Советском Союзе, то обращение к технике иносказания не было обусловлено потребностью обмануть цензуру и, скорее всего, имело характер литературной игры, в которой был способен принять участие только посвященный читатель, знакомый, как и Ф. Искандер, с текстом А. Солженицына. При этом не стоит умалять серьезность этой игры: как басня или притча, сказка Искандера служила поучительным целям — она была рассчитана на «мрачнейшего» [Искандер 2011: 183] читателя, способного сделать правильные выводы и перестать быть «кроликом». В завершении отметим, что, благодаря сказке Ф. Искандера, метафора А. Солженицына, в основе которой лежит сравнение человека, неспособного из страха противостоять власти, зависимого от нее, с кроликом, была дополнена и прочно закрепились в политическом словаре русской интеллигенции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Так, например, на встрече с Ф. Искандером в концертной студии «Останкино» в 1991 году читатели отметили «актуальность и историчность» «Кроликов и удавов», называя философскую сказку «одной из наиболее сильных вещей [Искандера]» [Цитируется по материалам передачи «Фазиль Искандер. Творческий вечер в концертной студии «Останкино», размещенной на сайте <http://my.mail.ru/mail/oreshek.58/video/35125/35713.html>]. О том, что сказка была явлением резонансным, свидетельствует также и то, что благодаря ей расширился политический словарь российской журналистики (выражение «кролики и удавы» стало метафорой, характеризующей взаимоотношения власти и населения).

[2]. Цитируется по письму Дмитрия Быкова от 19.10.2013, любезно согласившегося ответить на наш вопрос.

[3]. Согласно хронике культурной жизни семидесятых годов, составленной исследователями И. П. Уваровой и К. Роговым, первая часть «Архипелага ГУЛАГА» была опубликована в Париже в 1973 году в издательстве УМКА-Press, там же в 1974 и 1975 были напечатаны вторая и третья книги [Рогов, Уварова 1998].

[4]. Или даже до этого. Так, писатель Андрей Битов вспоминает, что читал «Архипелаг ГУЛАГ» «в 71-м или 72-м» [Битов 1991: 64-66], видимо, еще в «самиздате».

ИСТОЧНИКИ

1. Аксенов В., Битов А., Ерофеев В. Метрополь: литературный альманах. — Анн Арбор: Ардис, 1979.

2. Искандер Ф. Кролики и удавы; Созвездие Козлотура; Детство Чика: притча, повесть, рассказы. М.: Эксмо, 2011.

3. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования. Т. 1. Екатеринбург: «У-Фактория», 2006.

4. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования. Т. 2. Екатеринбург: «У-Фактория», 2006.

5. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования. Т. 3. Екатеринбург: «У-Фактория», 2006.

ЛИТЕРАТУРА

6. *Битов А.* Читаем Солженицына// Литературное обозрение. 1991. №2.

7. *Быков Д. Л.* Календарь-2. Споры о бесспорном. 29.08.2014. URL: <http://mreadz.net/new/index.php?id=38180&pages=28>

8. *Иванова Н. Б.* Смех против правил, или Фазиль Искандер. М.: Советский писатель, 1990.

9. *Искандер Ф.* Читаем Солженицына// Литературное обозрение. 1991. №2.

10. *Казинцев А.* Очищение или злословие?// Наш современник. 1998. № 2.

11. *Козель О. С.* Проза Фазиля Искандера. Мирозидение писателя. Поэтика: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

12. *Липовецкий М. Н.* «Знаменитое чегемское лукавство»: странная идиллия Фазиля Искандера// Журнальный зал. 29.08.2014. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2000/103/lip.html>

13. *Липовецкий М. Н.* Условия игры// Литературное обозрение. 1988. №7.

14. *Нефагина Г. Л.* Русская проза второй половины

80-х — начала 90-х годов XX века. Минск: «Экономпресс», 1998.

15. *Рогов К. Ю., Уварова И. П.* Семидесятые: хроника культурной жизни// Рутения. 29.08.2014. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/202590.html>

16. *Соловьев В.* Фазиль Искандер в окружении своих героев// Литературная учеба. 1990. №5.

17. *Троль Ю.* «Кролики и удавы» Фазиля Искандера// Часть речи. 1981/2. № 2/3.

18. *Угроватова Т. Ю.* Уроки 1-2. «Кролики и удавы» (1973) — сказка Ф. Искандера // Русская литература последних десятилетий / под. ред. В. Г. Марандмана. 29.08.2014. URL: http://www.prosv.ru/ebooks/Marandman_Rus_liter_11kl/index.html

19. *Хлебников О.* «Гипноз удава — это наш страх»// «Новая газета». 29.08.2014. URL: <http://www.novaya-gazeta.ru/gulag/48541.html>

20. *Чупринин С.* Похвала злословию// Литературная газета. 1987. Вып.44.

21. *Шевель Е. А.* Философская сказка Ф. Искандера «Кролики и удавы»: феноменология жанра: автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 2012.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. М. А. Литовская.